НОВЫЙ АТАМАНЪ.

(ПИСЬМО ИЗЪ УРАЛЬСКА).

Уральцы, годика съ три тому, оплакали Атамана своего, Генералъ–Маіора Бородина. Коли не случалось кому изъ васъ видѣть его, такъ знайте, что былъ онъ казакъ, душа молодецкая, стройный и рослый, и бойкой, лихой осанки. Сказывалъ мнѣ вѣрный человѣкъ, что есть и понынѣ въ чужихъ краяхъ не малое число картинъ, списанныхъ съ Сотника, не то съ Есаула, Бородина, какъ ходилъ онъ туда молодымъ казакомъ съ Суворовымъ: глядятъ Нѣмцы, не налюбуются! Ну, да онъ теперь передъ Богомъ, его не воротишь — да и я сѣлъ не лики писать, не паннихиду служить, а хочу говорить про нынѣшнее.

Атаманомъ всѣхъ Казачьихъ Войскъ нынѣ — сами вы знаете кто — казаки, поминая Его, всегда шапки снимаютъ. Но ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ угодно

было дать Уральцамъ *Наказнаго Атамана*. Въ лице хвалить не годится, а то бы я сказалъ при всѣхъ, что новый Наказной Атаманъ Уральцевъ, лихой Атаманъ!

И такъ, по назначенію Полковника Василія Осиповича Покотилова, Наказнымъ Атаманомъ Уральскаго Войска, пошли пиры да гульба, а казаки загуляютъ, такъ не шутятъ: хоть святыхъ вонъ понеси! Не знаю, гдѣ проявилась на Руси пословица: загулялъ, такъ и ворота на запоръ; да только вѣрно ни на Дону, не на Уралѣ. Здѣсь: загулялъ, такъ ворота настежь, не хуже побыта, блаженныя памяти, ласкова солнышка Князь–Владиміра: мимо пирушки пути–дороги не пролегаетъ, а заворачивай знай на подворье, кто живой подошелъ!

Атаманъ чествовалъ всѣхъ наличныхъ войсковыхъ чиновниковъ обѣденнымъ столомъ; потомъ, какъ Войско собралось съ багреннаго рыболовства, а вы знаете, что Войско ходитъ и на осетровъ, и на бѣлугъ, что на Французовъ — лавою, какъ возвратилось, говорю, съ благополучнаго лова, такъ помолилось Богу, и, послѣ

общаго молебствія, совершеннаго въ Соборѣ, явилось на зовъ атаманскій, погулять и попраздновать, да распить передъ домомъ атаманскимъ сороковую бочку вина некупленнаго. — Пилъ чару зелена вина малый и великій, да поминалъ хозяина, пили казаки на *овъ* и на *инъ* — пилъ и отставной казакъ Шарль Бертю... *Казакъ Шарль Бертю*!... Такъ, господа, отставной, приписной Уральскій казакъ Шарль Бертю; коли мнѣ не вѣрите, спросите у людей: люди видѣли — какъ онъ и усы отиралъ. Онъ зашелъ *во время оно*, въ матушку Россію, не знаю, званый ли, не званый ли, а на пиру атаманскомъ былъ онъ званый. Его взяли казаки въ 1812 году, завезли сюда; онъ обжился, женился, да въ казаки приписался — вотъ вамъ и Французскій казакъ Шарль Бертю!

Между тѣмъ Наказной Атаманъ далъ вечеръ и балъ, на который съѣхались и Уралки наши, въ цвѣтныхъ сарафанахъ, въ шелковыхъ широкихъ рукавахъ, не въ модныхъ райскихъ птичкахъ, а въ богатыхъ

саженыхъ сорокахъ (*), да въ дѣвичьихъ дорогихъ поднизяхъ (**); не въ бронзовыхъ цѣпочкахъ да пряжкахъ, а въ чистомъ золотѣ; не въ чужихъ кудряхъ, а въ своихъ косахъ, да въ окатныхъ жемчугахъ; я говорю вамъ, что тутъ ничѣмъ не шутятъ: поглядите, коли знаете толкъ, тутъ въ каждомъ сорокѣ десятки тысячей!

Наконецъ, 15 Февраля, приняли Уральцы и угостили новаго Атамана своего по–своему. Это было вотъ какъ: Поутру явились къ нему два Штабъ–Офицера, и просили Атамана именемъ всѣхъ собратій своихъ, подарить ихъ нынѣшнимъ днемъ и порадоваться общей радости. Вечеромъ, когда все было пріуготовлено, а гости и чиновники войсковые съѣхались, два Штабъ–Офицера отправились со вторичнымъ и окончательнымъ приглашеніемъ, и прибыли вмѣстѣ съ Атаманомъ своимъ къ назначенному дому. Старшины и почетные войсковые чиновники встрѣтили дорогаго гостя на крыльцѣ, и,

---

*) Головной уборъ женщинъ.

**) Головной уборъ дѣвицъ.

какъ водится, проводили его подъ звонкою музыкой, въ залу. Весь домъ былъ освѣщенъ снутри и снаружи, а на балконѣ былъ выставленъ щитъ съ изображеніемъ вензеловыхъ именъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ и Высокаго Атамана всѣхъ Казачьихъ Войскъ.

Празднество открыто было польскимъ, въ головѣ коего шелъ Атаманъ съ одною изъ почетнѣйшихъ туземокъ. Музыка гремѣла, и пляска продолжалась во всю ночь. Хотя нельзя сказать, чтобы пляски, или такъ называемые танцы, были здѣсь во всеобщемъ употребленіи, но многіе изъ молодыхъ чиновниковъ войсковыхъ пляшутъ охотно и хорошо. Сѣли за столъ; большая часть мужчинъ осталась на ногахъ. Во время ужина появился неожиданно, противъ почетнаго мѣста, занимаемаго Атаманомъ, освѣщенный щитъ съ именемъ его и съ лестною притомъ надписью. Заздравная братина пошла ходить изъ рукъ въ руки. Пили здравіе ЦАРЯ и ЦАРИЦЫ и Атамана ЦЕСАРЕВИЧА

и всего Пресвѣтлѣйшаго Дома, всѣхъ вмѣстѣ и каждаго порознь. Дошла очередь до Оренбургскаго Военнаго Губернатора, а наконецъ и до Наказнаго Атамана. Тогда ему принесено было условленное поздравленіе, сперва всѣми наличными чиновниками, потомъ избранными почетными казаками, отъ имени цѣлаго Войска, потомъ учениками Войсковаго Училища, а наконецъ — учитесь братцы, какъ встрѣчать и принимать Атамановъ своихъ, у Уральцевъ: — пятеро милыхъ, богатоубранныхъ дѣвицъ, высшаго казачьего сословія, подошли, — шумный, радостный говоръ умолкъ, почтительная тишина воцарилась; дѣвицы подошли къ Атаману, поклонились ему, по обычю своему, низенько, сказывали ему долго жить, братьями, отцами, женихами праведно и ласково управлять, судъ и правду рядить, — и поднесли ему, ни серебра, ни золота, а поднесли снопикъ живыхъ, самородныхъ цвѣтовъ. Всѣ наличные гости или хозяева — какъ хотите — подняли ура, прямо по–казацки:

окна задребезжали, и двери сами порастворялись! А казаки, запрудивъ широкую улицу, того и ждали: подхватили и себѣ, да такъ, что и пушки заздравныя заглушили!... Ночь была тихая и свѣтлая; вино пили, ура кричали, пушки палили, а какъ разъѣхались позднимъ утромъ, по домамъ, да глянули на снарядъ, иже нарекается *часомѣріе*, такъ и вспомнили поговорку: казаку гулять, такъ и ночь коротка!

В. Луганскій.

Приписка. **Мартъ на исходѣ, Апрѣль на дворѣ, а Уралъ стоитъ, не шелохнется. Скоро вздуетъ его да погонитъ лёдъ на море, на Хвалынское. Глядите тогда, что за потѣха будетъ; начнется *пловня* (*), да пойдутъ казаки въ скачку на тысячѣ, другой, бударокъ (**)! Снѣгу нынѣшнюю зиму Господь не пожалѣлъ, такъ *земляная***

---

*) Весенное рыболовство, сѣтьми, кои раскидываются съ каждой лодки однимъ человѣкомъ.

**) Бударa, долбленая лодка, однодеревка, комяга, душегубка, челнокъ. — Казаки пускаются на нихъ по пушечному сигналу, *скакать,* какъ они говорятъ, то есть, въ обгонъ другъ друга. Глядя на эту суматоху, не знаешь, какъ вода подымаетъ столько народу вдругъ!

вода (***), надо быть, пойдетъ большая, и на урожай въ Оренбургской Губерніи понадѣяться можно. Авось, Богъ милостивъ будетъ! — Прилинѣйные Кайсаки эту зиму опять начали продавать дѣтей своихъ; на дняхъ видѣлъ я четырехъ мальчиковъ, купленныхъ за 75 рублей асс. Младшему лѣтъ семь. Одинъ насмѣшилъ: новый хозяинъ сталъ, жалѣя его, кормить голоднаго помаленьку, а онъ, глядя на съѣстное, непремѣнно хотѣлъ поѣсть все. Коли такъ, говоритъ, такъ пойду я отъ тебя прочь, опять въ степь. Скинулъ платье хозяйское, снялъ и рубаху, взялъ съ окна плеть, и пошелъ. — Гдѣ же лошадь у тебя? спросили его. — Плеть есть, отвѣчалъ тотъ, такъ и лошадь будетъ! Простоявъ минуты съ двѣ нагишемъ на морозѣ, воротился онъ. Въ тотъ же вечеръ и на слѣдующій день спохватились огарковъ свѣчныхъ: нѣтъ ни одного, а не догораетъ, кажется, свѣчей много; рѣшили на томъ, что ихъ крысы таскаютъ. Глядь на новаго нахлѣбника — а

(***) ***Степная***, или ***береговая*** вода, стекая на рѣку, подмываетъ, подкапываетъ и сгоняетъ ледъ; рѣка вскрывается. Потомъ идетъ недѣлю, другую спустя, ***земляная вода***, т. е. вода съ горъ, высокою и широкою волной, разливается и понимаетъ берега на нѣсколько верстъ.

онъ жуетъ, да только свѣтильни выкидываетъ! Не подумайте, чтобъ я шутилъ: ей, ей, былое дѣло! *Шамъ яхши*, увѣряетъ онъ, и понынѣ удивляется, *для чего не велятъ ея ѣсть!*